СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ В СОСТАВЕ МАССОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ В СИБИРЬ (историография советского периода)

С.П. Исачкин

В статье анализируется процесс изучения численности и партийно-социального состава сибирской социал-демократической ссылки в советской историографии. Рассматриваются особенности каждого из ее этапов, уровень и эволюция источниковой базы темы, методы исследовательской работы ученых. В статье раскрываются как достижения, так и недостатки в развитии анализируемых проблем, выявляются фактические противоречия в трудах историков, а также причины несоответствия их выводов некоторым положениям господствовавшей в то время методологии.

Политическая ссылка и каторга оказали огромное влияние на становление и развитие социал-демократического движения в Сибири. Поэтому в советской историографии всегда уделялось пристальное внимание сосланным за Урал представителям РСДРП. В особой мере сказанное относится к истории сибирской социал-демократии 1907-1917 гг., которую изучать в отрыве от политической ссылки практически невозможно. Это объясняется массовостью правительственных репрессий после наивысшего подъема первой российской революции и всеми вытекающими отсюда последствиями.

Для того, чтобы представить степень влияния РСДРП на ход революционных событий в стране, а также выяснить ее потенциальные возможности непосредственно в Сибири, необходимо определить удельный вес социал-демократов среди других ссыльных региона. Это было понято еще на начальном этапе советской историографии. В 20-х - первой половине 30-х гг. XX в. усилиями Всесоюзного общества политкаторжан, ряда партийных издательств были опубликованы десятки работ, в той или иной степени освещавших поставленную проблему. Их можно разделить на три группы: 1) воспоминания бывших узников царизма; 2) материалы анкетных обследований, проводимых репрессированными революционерами в местах заключения и поселения; 3) научные исследования.

Публикации первой группы были тогда самыми многочисленными. В них авторы повествовали о численном, партийном, социальном, национальном составе сибирской ссылки, причем, как правило, в узких хронологических и территориальных рамках и без привлечения источников[1]. При этом ни в одной из работ не были отражены все перечисленные компоненты состава репрессированных. Нередко мемуаристы ограничивались демонстрацией только численности или партийности сосланных революционеров, причем в последнем случае не всегда приводились конкретные цифры. Что же касается вопроса об удельном весе членов той или иной партии в общей массе ссыльных, то в подавляющем большинстве публикаций он был решен в пользу социал-демократов. При этом следует подчеркнуть, что авторы-большевики настаивали на преобладании представителей своей фракции над меньшевиками. Так, В.М. Косарев, В.Н. Залежский, А.В. Шотман фиксировали существенное численное превосходство большевиков в Нарымской ссылке после Ленских событий 1912 г.[2] В свою очередь бывшие меньшевики, как правило, не разделяли эсдеков на фракции, а лишь подчеркивали их преобладание над членами других партий. Об этом заявлял, например, С.П. Качурин в отношении ссыльных села Черемхово предвоенного времени[3]. Несколько иная ситуация наблюдалась в воспоминаниях В.Д. Виленского-Сибирякова об Якутской ссылке. Там, по его мнению, эсеры не уступали социал-демократам по численности, но последние были значительно «более организованными и инициативными»[4].

О преобладании социалистов-революционеров над эсдеками писал И. Цинговатов-Корольков, имея в виду Ангарскую ссылку периода реакции[5]. Аналогичную ситуацию прослеживали М.А. Спиридонова и И.С. Каховская в женских каторжных тюрьмах[6]. Как известно, обе они являлись членами партии эсеров. Однако даже большевики в рассматриваемое время не склонны были скрывать факты численного преобладания представи-

телей тех или иных политических сил над ленинцами в некоторых частных случаях. Например, по утверждению В.Н. Залежского, среди ссыльных села Тогур в самом конце периода реакции «подавляющую массу составляли поляки ППС»[7]. И все же в целом воспоминания 20-х – первой половины 30-х гг. способствовали формированию представлений о количественном приоритете членов РСДРП в сибирской ссылке и представителей ПСР – на каторге. В данном случае можно говорить об объективном отражении действительности в анализируемой литературе. Интересно также и то, что в мемуарах 50-60-х гг. соотношение социал-демократов и эсеров в местах поселения и заключения Сибири осталось в принципе неизменным[8].

Значительно меньше внимания в публикациях начального этапа советской историографии было уделено вопросам социального состава репрессированных революционеров. И все-таки, по мнению ряда авторов, например, Д. Яковлева, среди ссыльных региона преобладали «рабочие-металлисты, ткачи, столяры», а вслед за ними следовали служащие и интеллигенция[9]. Это расходилось с данными С.М. Розеноера конкретно по Якутской области на 1912 г., согласно которым «рабочие и ремесленники составляли две пятых всей ссылки, интеллигенты – столько же» [10]. А по словам Д.А. Пузанова, среди всех сосланных в Минусинский край за 1910-1917 гг. преобладали служащие и лица интеллектуального труда, что он подтверждал списком из 98 репрессированных по политическим делам, «фамилии которых сохранила память»[11]. Разумеется, эти отрывочные сведения не могли сформировать сколько-нибудь определенных представлений о социальном составе ссыльных Сибири.

Гораздо большую ценность для исторической науки представляли материалы анкетирований, проводимых в местах поселения и заключения их же обитателями. По подсчетам Э.Ш. Хазиахметова, в 1906-1917 гг. было осуществлено не менее 65 таких обследований[12]. Результаты некоторых из них публиковались тогда в легальных журналах «Современный мир», «Вестник Европы», «Просвещение», «Сибирские вопросы». Другую часть соответствующих материалов издать по тем или иным причинам не удалось, и о них стало известно историкам лишь в советское время. Однако и в новую эпоху далеко не все из них появились в печати. Опубликованные же данные рассматриваемых анкет гармонично вписались в авторские работы, в результате лучшие из них приобрели характер достаточно серьезных социологических исследований. Это в первую очередь относится к трудам, созданных на основе анкетного опроса репрессированных лиц в Енисейской и Нарымской ссылках. Первой из них посвятил свою статью И.В. Вардин (Мгеладзе). Она была написана еще летом 1916 г. для издаваемого Максимом Горьким журнала «Летопись». В 1922 г. автор опубликовал ее без каких-либо изменений[13]. Через два года данные анкет по Енисейской ссылке будут использованы в мемуарах А.К. Цветкова-Просвещенского [14]. Этот материал, найденный случайно в личных бумагах, оценивался автором очень высоко. И неудивительно, что мемуарист еще неоднократно возвратится к нему в своем литературном творчестве[15].

Следует подчеркнуть, что И.В. Вардин и А.К. Цветков-Просвещенский анализировали на страницах печати данные одного и того же анкетирования, проведение которого было начато весной 1915 г. Правда, первый из них относил этот факт к 1916 г, но, видимо, его просто подвела память[16]. Важно также отметить, что авторы работали над соответствующими материалами независимо друг от друга. Поэтому они по-разному определили общее количество всех политических ссыльных в Енисейском уезде и Туруханском крае. В результате относительные показатели их подсчетов оказались неодинаковыми, но абсолютные – все же сходились, как, естественно, и число полученных анкет. Совпадали и итоги этих исследований. Согласно им в рассматриваемых местах ссылки преобладали представители РСДРП, а среди них – большевики. При этом социал-демократы всех течений и национальностей втрое превосходили эсеров в количественном отношении. В процессе анализа социального состава Енисейской ссылки авторы выявили приоритет рабочего класса, представители которого составляли не менее половины всех репрессированных большевиков. Вслед за пролетарскими элементами шли служащие, интеллигенция, учащаяся молодежь[17]. Следует также подчеркнуть, что рассматриваемые анкеты включали в себя самые разнообразные вопросы жизнедеятельности политической ссылки. Поэтому их информативное значение трудно переоценить.

Такой же многосторонностью отличались анкетные материалы, использованные И.Н. Смирновым при изучении состояния и положения ссыльных Нарымского края. Однако его работа в научном плане представляла

еще большую ценность, поскольку давала возможность проследить в динамике численность и состав репрессированных революционеров. Это в первую очередь относится к сведениям о партийной принадлежности ссыльных, охватывавших периоды отступления первой российской революции, реакции, нового революционного подъема и мировой империалистической войны. Правда, каждый из этих этапов был представлен всего лишь одним годом. Интересно, что за 1909 г. автор зафиксировал существенное преобладание эсеров над членами РСДРП. Однако в целом содержание анкет позволило ему сделать вывод о том, что политическая ссылка Нарымского края была, «по преимуществу социал-демократической», а социал-демократическая – «по преимуществу большевистской». Заслуживает внимания в данном случае и тот факт, что представители пролетариата здесь значительно преобладали над интеллигенцией в обеих фракциях РСДРП. При этом квалифицированных рабочих больше было среди меньшевиков ликвидаторского течения. Среди материалов, используемых И.Н. Смирновым, особую значимость имели анкетные обследования 1915 г., которые охватили две трети нарымских политических ссыльных. Кроме того, следует отметить тщательность разработки соответствующей анкеты, включавшей только по разделу «партийность» 20 вопросов респондентам[18].

Остальные публикации подобного рода в большей или меньшей степени уступали вышеназванным трудам И.В. Вардина, А.К. Цветкова-Просвещенского, И.Н. Смирнова, причем как по общему научному уровню, так и по репрезентативности. Однако все они, как правило, констатировали преобладание членов РСДРП и представителей пролетариата в конкретных местах поселения и в определенное время[19].

Попыток обобщить данные рассматриваемых анкет в масштабах нескольких территориальных образований Сибири на начальном этапе советской историографии не предпринималось. И все же некоторые представления о партийно-социальном составе репрессированных лиц самых восточных регионов края давала публикация Ф.Г. Виноградова (Ягодина). Она посвящалась Александровской пересыльной тюрьме, через которую пополнялись каторга и ссылка Иркутской губернии, Забайкальской и Якутской областей. Туда, судя по данным анкетирования 1910 г., направлялись этапом по преимуществу социал-демократы, несколько опережавшие эсеров. А по количественным критериям социального состава приоритет был за рабочими, вслед за которыми шла интеллигенция[20]. Таким образом, анкетные обследования, проведенные в пересыльных тюрьмах, содержали более четкие сведения об идейном и общественном облике сибирской ссылки. Однако и в этом случае итоговый вывод подобных исследований в сущности не менялся. И он, что прмечательно, соответствовал общероссийским показателям. Об этом, например, свидетельствовала статья В.Н. Соколова, анализировавшая «длинный ряд нелегальных анкетных обследований этапных партий», проводимых в Бутырской тюрьме в 1906-1908 гг.[21]

Несмотря на научную ценность рассматриваемых материалов, в общей массе ранней советской литературы они использовались нечасто и, как правило, без указания источников[22]. Исключение в данном случае составила статья Г. Лурье, посвященная нелегальному журналу «Тайга», который выпускался ссыльными Бельской колонии. В его втором номере за 1910 г. были помещены интересные сведения анкетного характера, и ими автор не преминул воспользоваться[23]. Следует также отметить старания редакционного коллектива Сибирской советской энциклопедии. В ее разделах о Верхоленской, Енисейской, Киренской, Нарымской ссылках, Мальцевской каторжной тюрьме были использованы данные соответствующих анкетирований, причем некоторые из них публиковались впервые[24]. Правда, в силу специфики издания эти сведения носили фрагментарный характер.

Уникальным явлением в изучении рассматриваемой проблемы тех лет стали работы профессионального историка Е.Д. Никитиной, написанные на основе отчетов Главного тюремного и Военно-судебного управлений, Министерств юстиции и внутренних дел, а также других официальных документов[25]. Одна из них первостепенное внимание уделяла сибирской ссылке, причем в более широких хронологических рамках, чем это указывалось в ее названии. По данным автора, в Сибири, как и в целом по России, среди репрессированных после первой революции лиц преобладали рабочие, а в партийном отношении – социал-демократы. Несколько иная ситуация сложилась среди революционеров, отбывших срок каторги и отправленных на поселение. Среди них, по утверждению ученого, численное преимущество имели эсеры[26].

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ В СОСТАВЕ МАССОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ В СИБИРЬ
(историография советского периода)

Рассматриваемая статья Е.Д. Никитиной получила самые лестные отзывы в печати, она была признана «наиболее ценной» из всех работ сборника «Сибирская ссылка», выпущенного в 1927 г.[27] Не утратила она своего значения и в наши дни. Правда, с этим соглашались не все историки. Например, в 1983 г. Н.Н. Щербаков заявил, что приведенные Е.Д. Никитиной цифры не отражали фактического числа политических ссыльных в местах их приписки, а свидетельствовали лишь об общем количестве репрессированных, направляемых туда[28]. Однако это понимала и сама Е.Д. Никитина. Совсем не случайно она предупреждала о том, что «практика исчисляла число бежавших ссыльных к их общему количеству 15 процентами», а в отдельных случаях самовольно покидали места приписки более половины сосланных лиц [29]. К недостаткам анализируемой статьи Н.Н. Щербаков отнес также сам факт отсутствия в ней необходимой дифференциации категории ссыльнопоселенцев на политических и уголовных. Более того, ученый обнаружил в ней неумение автора распознавать классовую направленность документов карательных органов, которые нередко манипулировали статистикой в политических целях[30]. Однако таких задач Е.Д. Никитина перед собой и не ставила. Не зря свое исследование она скромно назвала «исторической справкой», хотя объективно его можно считать научной статьей. Разумеется, она не была совершенной, но Н.Н. Щербаков не заметил ее главного недостатка. А он состоял в том, что Е.Д. Никитина, при выявлении партийно-социального состава ссылки, не обобщила имевшиеся по ней данные анкетных обследований. Автор ограничилась лишь демонстрацией соответствующих материалов по Иркутской пересыльной тюрьме за 1912 г., что на фоне солидных статистических подсчетов выглядело малозначительной иллюстрацией[31]. И тем не менее, в статье Е.Д. Никитиной впервые была предпринята попытка научного освещения изучаемой проблемы в масштабе всей Сибири. В этом и заключалась уникальность рассматриваемой публикации.

На начальном этапе советской историографии огромную роль в деле выявления количественного и качественного состава репрессированных революционеров играло Всесоюзное общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев. Его члены провели серьезную работу по составлению списков лиц, побывавших на каторге и в ссылке. В особой мере это относилось к Сибирскому краю. Фамилии отправленных туда за политические преступления появились в издававшихся в конце 20-х – середине 30-х гг. биографических справочниках и словарях[32]. Был установлен полный списочный состав политических заключенных Александровского централа за 1904-1917 гг. Кроме того, были собраны сведения об узниках Нерчинской каторги и ссыльнопоселенцах Енисейской губернии[33]. Уточнялся состав бывших репрессированных революционеров по анкетным данным членов землячеств и сибирских отделений Общества политкаторжан. Результаты проведенной работы публиковались в печати[34].

К сожалению, весь этот богатейший материал о составе массовой ссылки в Сибири не был востребован на следующем этапе историографии. В период утверждения культа личности главной функцией исторической науки стала пропаганда государственной идеологии. В связи с этим изучаться стала не сама ссылка, а деятельность там выдающихся представителей ленинской партии. В такой ситуации скрупулезные подсчеты численности различных политических сил на поселении становились ненужными. Более того, они теперь уже мешали развитию официальной концепции межпартийных отношений. Дело в том, что в данное время меньшевики на страницах печатных изданий быстро превратились из союзников большевиков в их противников и даже в «ярых врагов пролетариата». А большевики, представляя теперь марксизм в гордом одиночестве, уступали в ссылке эсерам по численности. Такая ситуация явно противоречила официальной идеологии. Впрочем, истинное положение дел в ссылке вскоре было забыто. Этому способствовало закрытие Всесоюзного общества политкаторжан, в связи с чем его материалы практически перестали использоваться. В трудах историков конкретные цифровые показатели уступили место славословию в адрес ленинско-сталинской партии и ее видных деятелей. Приводимые же в редких случаях данные о численности политссыльных в Сибири были явно завышенными и ничем не обосновывались. Так, по мнению М.К. Ветошкина, в период 1905-1907 гг. в крае находилось 35 тыс. репрессированных революционеров, а в последующее время их количество удвоилось. Были использованы автором и сведения о социальном составе сибирской ссылки, демонстрирующие приоритет рабочего класса[35]. Как удалось выяснить Э.Ш. Хазиахметову, их М.К. Ветошкин заимствовал из восьмого номера журнала «Образо-

вание» за 1908 г.[36] Однако сделать сноску на либеральное издание он не рискнул. В результате происхождение пропорции – 41% рабочих от общего числа ссыльных – осталось неизвестным. Интересно, что в статье В. Комкова, опубликованной в указанном журнале, приводились также данные о партийном составе изучаемой ссылки на 1908 г. Однако они не подтверждали абсолютного превосходства пролетарской партии в количественном отношении. Поэтому М.К. Ветошкин пользоваться ими не стал, а лишь ограничился репликой о преобладании социал-демократов среди репрессированных членов других партий[37].

Распространенные в период утверждения культа личности тенденции в освещении сибирской политической ссылки продолжали действовать и в 50-е гг. Однако среди появившихся тогда изданий следует выделить монографию П.У. Петрова «Из истории революционной деятельности ссыльных большевиков в Якутии». Как видно из самого названия, она традиционно преследовала пропагандистские цели, но попутно в ней решались и чисто научные задачи. В книге освещались самые разнообразные вопросы Якутской ссылки, причем многие из них рассматривались на достаточно широкой источниковой базе. Правда, это не относилось к проблеме партийно-социального состава репрессированных революционеров. В данном случае П.У. Петров лишь эпизодически использовал официальные документы и периодическую печать досоветского периода. При решении упомянутой проблемы он опирался, главным образом, на мемуарную литературу, делая сноски, как правило, на большевистских авторов. Однако с уверенностью можно сказать о том, что ученым использовались также воспоминания меньшевиков. В частности, он заимствовал уже упоминавшееся высказывание В.Д. Виленского-Сибирякова о преобладании в Якутской ссылке социал-демократов и эсеров. Однако, назвав его в своей книге «врагом народа», П.У. Петров не решился ссылаться на бывшего меньшевика, репрессированного сталинским режимом. Примечательно и то, что, разоблачая В.Д. Виленского-Сибирякова как историка, автор снова не назвал ни одной из его работ. Кроме того, следует отметить, что если В.Д Виленский-Сибиряков указывал на примерное равенство членов РСДРП и ПСР в Якутской ссылке, то П.У. Петров этого не делал. В результате у читателя всегда оставалась возможность представить себе численное преимущество первых. Точно так же поступал ученый при попытках анализа социального состава репрессированных лиц. Так, опираясь на дореволюционную печать, он констатировал, что среди прибывших в Якутскую ссылку в 1908-1909 гг. почти половина приходилась на рабочих и крестьян[38]. Все остальное можно было только домыслить. Например, учитывая сведения П.У. Петрова о низком образовательном уровне основной массы ссыльных, нетрудно было догадаться о незначительном количестве в их среде представителей интеллигенции. Однако и этот вывод можно было отнести лишь к двум годам периода реакции.

Более серьезно отнеслись к изучению состава политической ссылки авторы монографии «Между двумя революциями», посвященной деятельности красноярских большевиков. Она была издана уже после осуждения культа личности и связанных с ним негативных явлений в общественной жизни. Это наконец-то позволило обратиться к материалам, накопленным еще на начальном этапе советской историографии. Так, например, В.П. Сафронов на страницах упомянутой монографии попытался комплексно рассмотреть данные анкетных обследований по Енисейской ссылке и сведения соответствующего землячества Всесоюзного общества политкаторжан за 1931 г.[39] Такой подход в советской литературе предпринимался впервые, но он имел узколокальное значение. Определяя же общую численность политических ссыльных в Сибири, автор решил ограничиться сообщением газеты «Известия Курганского Совета рабочих и солдатских депутатов» от 19 марта 1917 г. В результате его утверждения о «не менее двадцатитысячном контингенте» репрессированных революционеров к моменту Февральской революции оказались преувеличенными[40]. Явно завышались конкретные данные о количестве политссыльных региона и в третьем томе «Истории Сибири». Этот фундаментальный труд, вышедший в 1968 г., так и не внес ничего нового в рассматриваемую проблему. Более того, один из его параграфов, написанный В.Г. Тюкавкиным, скорее напоминал отрывки из биографий видных ленинцев, чем научное исследование по истории ссылки[41]. Это, безусловно, было шагом назад в историографии темы.

И тем не менее, именно в 60-х гг. начался качественно новый этап в исследовании численности и состава политической ссылки. Он был связан с появлением историко-партийных трудов, освещавших данную проблему в рамках Восточной и Западной Сиби-

ри, а также конкретно Нарымского края[42]. При этом в последнем случае она решалась в кандидатской диссертации Э.Ш. Хазиахметова, выполненной на ее основе научно-популярной монографии, сборнике документов «Нарымская ссылка», в создании которого автор оказал существенную помощь[43]. Правда, в сборнике рассматриваемая проблема получила лишь фрагментарное отражение, на что указывалось в центральной печати[44]. Однако этот недостаток можно объяснить более широкими задачами, стоявшими перед составителями данного издания в процессе его комплектования.

В середине 70-х гг. в диссертационном исследовании А.Н. Евсеевой была предпринята попытка осветить вопросы численности и состава политической ссылки в масштабах всей Сибири [45]. Правда, она осуществлялась только в хронологических рамках первой мировой войны и на недостаточно полной источниковой базе. И все же в заслугу автору можно поставить стремление обновить методику исследовательского процесса. Евсеева впервые в историографии темы попыталась выявить партийно-социальный состав ссыльных на основе изучения их персональных данных[46]. Однако и в этом случае говорить о широких обобщениях не приходится, поскольку соответствующая работа была проведена лишь по Тобольской и южной части Енисейской губернии.

В целом же в рассматриваемых трудах использовались известные еще на начальном этапе историографии материалы анкетных обследований ссыльных революционеров. Они, как уже отмечалось, проводились в конкретных местах Сибирского края и в разное время. Поэтому ученые, опираясь на них, могли вести речь лишь об общих тенденциях динамики численности и состава политических ссыльных региона. Решить же изучаемую проблему комплексно, в рамках всего периода массовой ссылки в Сибирь было чрезвычайно сложно. Для этого необходимо было исследовать и сравнить массу самых разнообразных источников, а также составить персональные карточки на тысячи лиц, репрессированных самодержавием. За решение данной задачи взялись Э.Ш. Хазиахметов и Н.Н. Щербаков. Их работа продолжалась фактически два десятилетия и завершилась докторскими диссертациями в самом конце советского историографического периода. Впрочем, Э.Ш. Хазиахметов не остановился на достигнутом и уже в новую эпоху стал заниматься уточнением данных по количественному и качественному составу сибирской ссылки.

Оба ученых в процессе изучения рассматриваемой проблемы ввели в научный оборот целый комплекс новых источников. При определении общей численности политссыльных в Сибири авторы использовали делопроизводственные материалы Министерств юстиции и внутренних дел, Департамента полиции, Главного тюремного управления, а также документацию местных органов власти, прямо или косвенно подчиненных данным инстанциям. В начале 70-х гг. Н.Н. Щербаков счел необходимым обратиться к фондам комитета помощи амнистированным политическим ссыльным. После Февральской революции эти учреждения занимались эвакуацией бывших узников царизма с мест поселений. Поэтому в распоряжении указанных комитетов имелись ценные сведения по эвакуируемым лицам на начало 1917 г., что, разумеется, полезно было использовать в научной работе.

Вместе с тем, авторы проводили свои исследования независимо друг от друга. Методика подсчетов численности и определение контингента политических ссыльных у них была разная. Однако в условиях параллельного исследовательского процесса ученые имели обоюдную возможность корректировать работу своего коллеги в печати. При этом они не всегда приходили к единому мнению. Так, например, Н.Н. Щербаков довольно резко критиковал Э.Ш Хазиахметова за игнорирование категории политкаторжан при подсчете общего количества ссыльных революционеров[47]. Однако данная категория лиц по статусу больше напоминала заключенных, а на поселение они отправлялись уже после отбытия сроков каторги. Поэтому их стоило учитывать только при подсчете всех репрессированных по политическим делам. Именно такая задача и была поставлена Н.Н. Щербаковым. В свою очередь Э.Ш. Хазиахметова интересовал контингент собственно ссыльных, что тоже было оправданно с формальной точки зрения. Ведь к нему вполне обосновано было принято относить сосланных за государственные преступления по суду, а также по решению особого совещания Министерства внутренних дел и местных властей. При этом первые совместно с лицами, отбывшими каторгу, составляли категорию ссыльнопоселенцев, а вторые – административно-ссыльных.

Используя разные методики подсчетов, ученые, разумеется, не могли получить оди-

наковые результаты. Это проявилось еще в 70-е гг. Так, по мнению Н.Н. Щербакова, к началу Февральской революции в Сибири пребывало свыше 14 тыс. репрессированных за государственные преступления[48]. В свою очередь Э.Ш. Хазиахметов к этому же моменту насчитывал здесь не менее 6424 политических ссыльных[49]. Если учесть, что численность политкаторжан в регионе никогда не превышала 1500 человек[50], то разность в подсчетах авторов приходится признать серьезной. Примечательно, что сам Н.Н. Щербаков полагал, будто в монографии Э.Ш. Хазиахметова на канун февраля 1917 г. значилось почти 12,5 тыс. ссыльных революционеров[51]. Однако это неверно, так как Э.Ш. Хазиахметов соответствующие данные распространял на весь 1916 г.[52] Конечно, можно предположить, что Н.Н. Щербаков более широко понимал само слово «канун», но по его совместной с А.П. Мещерским монографии этого не скажешь. Там повествовалось о наличии в Сибири не менее 15 тыс. политических ссыльных за месяц до амнистий[53]. Правда, в конце 80-х гг. Н.Н. Щербаков несколько скорректировал эти данные. В его докторской диссертации говорилось уже о не более 14 тыс. репрессированных, пребывавших в регионе в канун Февраля[54]. А в аналогичном труде Э.Ш. Хазиахметова, защищенном в 1988 г., подобная корректировка оказалась довольно внушительной. Там автор вел речь о 9346 политических ссыльных Сибири к моменту второй буржуазно-демократической революции[55]. Как видно, разница в подсчетах ученых продолжала оставаться весьма значительной.

Колоссальная работа была проведена Э.Ш. Хазиахметовым и Н.Н. Щербаковым при выявлении партийно-социального состава ссылки. В этих целях они обобщили материалы значительного числа анкетных обследований, проводимых в различных местах поселения на территории края. Такой подход позволил более тщательно проследить основные тенденции в изменении партийного и классового состава сибирской ссылки. Однако результаты большинства анкетирований не отличались должной репрезентативностью. Поэтому для решения поставленных задач необходимо было заняться выяснением персонального состава ссыльных революционеров. Эта работа осуществлялась на основе архивных фондов и опубликованных сведений обществ политкаторжан и старых большевиков. А полученные данные в свою очередь сопоставлялись с другими документами, справочными материалами, литературными источниками. В результате к 1973 г. Н.Н. Щербаков имел в своем распоряжении сведения о партийной принадлежности 6280 репрессированных лиц в Сибири[56]. Правда, в дальнейшем ученый сосредоточил внимание на представителях ленинской партии и в конце 80-х гг. располагал уже персональными данными на 2871 большевика из 3500 сосланных в межреволюционный период[57]. Это объяснялось спецификой научных исследований Н.Н. Щербакова, для которого сведения о непролетарских революционерах служили лишь сравнительным материалом. Процесс персонификации при изучении сибирской политической ссылки наиболее четко прослеживался в трудах Э.Ш. Хазиахметова. За десятилетие его банк данных о конкретных репрессированных лицах пополнился с 4562 до 8737 единиц. Последний показатель использовался в докторской диссертации автора, где указывалось число политических ссыльных Сибири с декабря 1905 по февраль 1917 гг. Оно составило немногим более 29 тыс. человек[58]. В такой ситуации есть смысл говорить о достаточной представительности сведений Э.Ш. Хазиахметова по рассматриваемой проблеме.

Ко всему сказанному следует добавить, что Н.Н. Щербаков проводил свои подсчеты по каждой категории репрессированных отдельно. А Э.Ш. Хазиахметов суммировал их вместе, причем, как уже подчеркивалось, без учета контингента политкаторжан. Не полностью совпадали и хронологические рамки исследований. В такой ситуации сравнивать абсолютные и относительные цифры в работах авторов бессмысленно. Для историографии гораздо большую ценность представляют их обобщающие выводы. Главные из них сводились к тому, что в сибирской ссылке межреволюционного периода преобладали члены РСДРП. При этом большевики всегда имели приоритет над меньшевиками. Далее по количественным показателям следовали эсеры. Их преобладание над социал-демократами проявлялось только в частных случаях, например, среди административных ссыльных во время реакции или в 1908 г. в Киренском уезде. Заметное численное преимущество социалистов-революционеров наблюдалось лишь в каторжных тюрьмах региона. Остальные из 34 представленных в ссылке партийных образований конкурировать в количественном отношении ни с РСДРП, ни с ПСР не могли. По социально-классовым признакам сибирскую ссылку, судя

по трудам историков, уверенно можно назвать по преимуществу пролетарской. Большое место в ней занимали служащие, среди которых выделялась интеллигенция, а крестьянство было представлено незначительно. При этом какие-либо отклонения от данных пропорций были чрезвычайно редки и имели частный характер[59].

Выявленный социально-политический состав сибирской ссылки позволил ученым сделать вывод, подтверждающий правоту идеи гегемонии пролетариата и его партии в революционном процессе. Правда, Э.Ш. Хазиахметов одновременно отмечал, что соответствующие данные предоставляют также возможность выяснить «силы и степень влияния революционно-демократических и оппортунистических элементов в освободительном движении»[60]. Однако согласно ленинской классификации политических организаций рабочей партией признавалась лишь большевистская часть РСДРП, а меньшевиков было принято относить к выразителям интересов городской мелкой буржуазии[61]. В то же время исследования Н.Н. Щербакова и Э.Ш. Хазиахметова показывают, что сторонники В.И. Ленина не имели численного превосходства в ссылке и в целом уступали эсерам, не говоря уже о всех непролетарских группировках вместе взятых. И на это специально указывали сами авторы[62]. Авангардную же роль большевиков ученые видели в постоянном росте их контингента среди ссыльных, а также в солидном слое в их рядах «самого передового класса»[63]. Так, по мнению Э.Ш. Хазиахметова, за 1905-1917 гг. доля большевиков в местах поселения Сибири выросла с 10,5 до 25,6%, а численность среди них рабочих возросла с 51,5 до 59,3%[64]. Эти подсчеты относятся к 1988 г., но через 12 лет автор придет, по сути дела, к таким же выводам, причем цифровые показатели динамики удельного веса пролетарских элементов в составе ссыльных представителей ленинской партии даже не изменятся[65]. В свою очередь, Н.Н. Щербаков в 1987 г. считал, что в межреволюционный период слой только индустриальных рабочих среди сосланных в Сибирь большевиков достигал 62%[66]. Однако эти факты вовсе не отрицают пролетарского характера меньшевистских организаций. Приведенные учеными цифры прежде всего свидетельствовали о левых настроениях, доминировавших в российском рабочем движении, что в условиях нестабильного социально-экономического развития страны того времени и при учете отечественного менталитета вполне объяснимо. Нет оснований сомневаться в постоянном росте численности большевиков в сибирской ссылке к 1917 г., особенно в Нарымском и Туруханском краях. По крайней мере, в трудах Н.Н. Щербакова и Э.Ш. Хазиахметова это доказано вполне убедительно[67]. Однако в такой ситуации будет логично сделать предположение об отсутствии ведущей роли ленинцев в ходе первой российской революции. Ведь в годы реакции эсеры пополняли ссылку значительно интенсивней большевиков[68]. Разумеется, при всем этом не следует забывать об одном из главных постулатов марксистско-ленинской теории, согласно которому политическая сила пролетариата и его авангарда определяется не количественными показателями, а их ролью и значимостью в общественном развитии. Однако ссылка как раз и была прежде всего отражением степени активности различных классов и партий в революционном процессе. И если доминирование в ней малочисленного российского пролетариата в полной мере соответствовало указанному принципу, то преобладание там эсеров не могло не настораживать советских исследователей. Ведь они, как правило, сами тесно связывали рост численности большевиков с увеличением доли рабочих в сибирской ссылке[69]. И тем не менее, данный процесс так и не обеспечил количественного превосходства сосланным в Сибирь ленинцам. Получалось, что или пролетариат проявил свою гегемонию в отрыве от собственного авангарда, или рабочая партия не справлялась со своей исторической миссией. Преобладание же репрессированных членов ПСР в регионе обычно объяснялось мелкобуржуазностью российского общества[70], но ссылка вовсе не отражала его структуру, а лишь высвечивала революционный настрой его представителей.

Итак, проблема численности и состава сибирской политической ссылки получила достаточно широкое развитие в советской историографии. Ее активная разработка началась еще в 20-30-х гг. XX в. Такое положение дел объясняется прежде всего многогранной деятельностью Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Важное значение имело тогда использование в исследовательском процессе данных анкетных обследований в различных местах поселения и заключения региона. Стали появляться по изучаемой проблеме публикации научного характера. В результате в середине 30-х гг. тема численности и партийно-социального состава сибирской ссылки

оказалась в чрезвычайно благоприятных условиях для своего дальнейшего развития. Однако большевистское государство не было заинтересовано в ее объективном освещении. Ведь ссылку представляли революционеры самых различных политических направлений. Они впоследствии приняли участие и в ее изучении. Идеологическая же стратегия ВКП(б) предусматривала концентрацию научных и пропагандистских сил исключительно на собственной истории. К тому же в рассматриваемое время было уже известно, что сторонники «ленинско-сталинской» партии вовсе не составляли в ссылке абсолютного большинства. А это противоречило официальной концепции вопроса.

Возвращение к прежним достижениям в области исследования численного и качественного состава политической ссылки в Сибирь состоялось лишь четверть века спустя. С началом 60-х гг. прошлого века ученые вновь стали использовать материалы Общества политкаторжан и данные соответствующих анкетирований. В дальнейшем источниковая база проблемы постоянно расширялась, причем особый вклад в развитие данного процесса внесли Н.Н. Щербаков и Э.Ш. Хазиахметов. В историографии темы ими впервые был применен комплексный подход в ее изучении. При этом трудно переоценимое значение имело составление и постоянное пополнение банка персональных данных о репрессированных революционерах в Сибири. Правда, методика подсчетов и конечные задачи исследований у авторов были разные. Поэтому чисто цифровые показатели численного и качественного состава политических ссыльных региона у них не совпадали. Однако, даже следуя разными путями в творческом процессе, авторы пришли к единому обобщающему выводу о партийно-социальном составе репрессированных революционеров в крае. По их глубокому убеждению, в рассматриваемый период в сибирской ссылке преобладали социал-демократы, а в классовом отношении – рабочие. Данный вывод, впервые высказанный еще в 20-е гг. стал общепризнанным в советской историографии.

Примечательно, что сведения советских ученых о численности и составе сибирской политической ссылки не всегда соответствовали постулатам марксистско-ленинской теории. Если руководствоваться исключительно цифровыми показателями соответствующей статистики, то можно было прийти к выводу, что самой активной силой российского революционного процесса были эсеры. А большевики в ходе его развития не справлялись со своей авангардной ролью в рабочем движении, поскольку представители пролетариата имели заметное численное преобладании в ссылке, чего нельзя было сказать о членах их партии. Впрочем, в случае признания меньшевиков частью пролетарской партии данные противоречия автоматически аннулировались. Однако по идеологическим соображениям этого сделано не было. Кроме того, упомянутые статистические материалы не создавали впечатления о крестьянстве как об одной из ведущих сил революционного процесса, а союзником рабочего класса в нем скорее можно было признать интеллигенцию. Между тем данные противоречия так и не были замечены в советской историографии. Это случилось потому, что исследователи, специально занимающиеся вопросами ссылки в Сибирь, были не склонны абсолютизировать основополагающие принципы марксистской теории. Их интересовала главным образом фактическая сторона проблемы, что плодотворно сказалось на ее развитии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Косарев В. Нарымская ссылка // Сб. истпарта №1 Сиббюро ЦК РКП(большевиков). Новониколаевск, 1923 . С.12; Каллистов С. Тобольский централ. М., 1925. С.7; Водолазский А. Бельская ссылка // Каторга и ссылка. 1928. №7. С.150, 158; Тугаринов Н.Н. Политическая ссылка села Казачинского в 1916-1917 годы// Там же. 1935. №1. С.115,118; Пятницкий О. Записки большевика. 3-е изд. М., 1933. С.204; Башуров А. По тюрьмам и ссылкам. Воспоминания подпольщика. Свердловск, 1933. С.34, 46, 47 и др.

2. Косарев В. Воспоминания о Нарымской ссылке // Сибирские огни. 1922. №4. С.70; Залежский В. В стране поднадзорной. Очерки Нарымской политической ссылки. М.-Л., 1924. С.39; Шотман А. Как из искры возгорелось пламя. 2-е изд. Л., 1935. С.203.

3. Качурин С. О жизни в Черемхове Иркутской губернии // Иркутская ссылка. М., 1934. С.69.

4. Виленский-Сибиряков В. Якутская ссылка 1906-1917 годов // 100 лет Якутской ссылки. М., 1934. С.261.

5. Цинговатов-Корольков И. Организация взаимопомощи Енисейской ссылки // Каторга и ссылка. 1928. №3. С.112.

6. Спиридонова М. Из жизни на Нерчинской каторге // Каторга и ссылка. 1925. №1. С.185; Каховская И. Из воспоминаний о женской каторге // Там же. 1926. №1. С.179.

7. Залежский В. Указ. соч. С.25.

8. Караваев П.Н. В дооктябрьские годы. На партийной работе, в тюрьме и ссылке. 2-е изд. М., 1953. С.132; Никифоров П. Муравьи революции. М., 1958. С.150; Буйко А.М. Путь рабочего. Воспоминания путиловца. Л., 1964. С.118.

9. Яковлев Д. От каторги – к ссылке // Сибирская ссылка. М., 1927. С.117.

10. Розеноер С.М. Растопленный полюс (Якутская ссылка 1900-1917 гг.). М., 1935. С.27.

11. Пузанов Д. Минусинская ссылка 1910-1917 гг. // Каторга и ссылка. 1928. №2. С.88, 105-107.

12. Хазиахметов Э.Ш. Изучение социально-партийного состава политической ссылки в Сибири 1906-1917 гг. // Вопросы историографии революционного движения и социалистического строительства в Сибири. Омск, 1987. С.132.

13. Вардин И. (Мгеладзе). Политическая ссылка накануне революции (По данным анкеты)// Пролетарская революция. 1922. №5. С.92-121.

14. Цветков-Просвещенский А.К. В изгнании. М., 1924.

15. Цветков-Просвещенский А. Енисейская ссылка в цифрах // Каторга и ссылка. 1932. №2. С.143-154; Он же. Между двумя революциями (1907-1916 гг.). М., 1927. С.136; 2-е изд. М., 1957. С.135-137.

16. Вардин И. (Мгеладзе). Указ. соч. С.93.

17. Цветков-Просвещенский А. Енисейская ссылка… С.145-147; Вардин И. (Мгеладзе). Указ.соч. С.93-100.

18. Смирнов И.Н. Нарымская ссылка накануне революции // Каторга и ссылка. 1927. №5. С.141.

19. Янсон Я. Из жизни Верхоленской ссылки (немного статистики) //Каторга и ссылка. 1922. №4. С.97-99; Протопопов К. Ссылка Приангарского края в 1915-1917 годах // Там же. 1927. №2. С.124; Бабкина Е. Орленга // Иркутская ссылка. М., 1934. С.60 и др.

20. Виноградов Ф. (Ягодин). Борьба за коллектив в Александровской пересылке в 1910 г.// Иркутская ссылка. М., 1934. С.16,17.

21. Соколов В. Тюремные мысли о тюремных цифрах// Старый большевик. Сб. №3. М., 1933. С.56-76.

22. Фабричный П. Грамота и книга на каторге // Каторга и ссылка. 1922. №3. С.191,192; Фефелова А.К. История революционного движения в г. Красноярске // Триста лет города Красноярска. Красноярск, 1928. С.33,34.

23. Лурье Г. «Тайга» (К истории журналистики ссылки) // Каторга и ссылка. 1931. №12-13. С.171, 181-185.

24. Сибирская советская энциклопедия. Т.1. Новосибирск, 1929. Стб.463,464,888; Т.2. 1931. Стб.670,671; Т.3. 1932. Стб.277,278,667-669.

25. Никитина Е. Ссылка 1905-1910 годов (Историческая справка) // Сибирская ссылка. М., 1927. С.11-24; Она же. Торная дорога (Тюрьма и карторга 1905-1913 годов) // Девятый вал. М., 1927. С.15-43.

26. Никитина Е. Ссылка 1905-1910 годов… С.15,19.

27. Колычевский И. Рец.: Сибирская ссылка // Пролетарская революция. 1927. №8-9. С.427.

28. Щербаков Н.Н. Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и его роль в разработке истории политической ссылки в эпоху империализма // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып.8. Иркутск, 1983. С.38.

29. Никитина Е. Указ. соч. С.15,19.

30. Щербаков Н.Н. Указ. соч. С.38.

31. Никитина Е. Указ. соч. С.19.

32. Участники русского революционного движения эпохи борьбы с царизмом: Биографический справочник членов Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1927; Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник членов Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1930; 2-е изд. М., 1934; Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. Т.5. Вып.1. М., 1931; Вып.2. М., 1933.

33. Щербаков Н.Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907-1917 гг.)// Ссыльные революционеры в Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1973. С.205.

34. Лютенберг М. Нерчинское землячество в цифрах // Нерчинская каторга. М., 1933. С.242; Калмыкова К.В. Политическая ссылка бывшей Енисейской губернии в цифрах // Енисейская ссылка. М., 1934. С.144-157; Штульман Р. О составе Иркутского землячества Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Иркутская ссылка. М., 1934. С.247-262 и др.

35. Ветошкин М. Из истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири. М., 1947. С.41.42.

36. Хазиахметов Э.Ш. Освещение истории сибирской политической ссылки 1905-1917 гг. в советской историографии середины 30-х – середины 50-х гг. // Революционная и общественная деятельность ссыльных большевиков в Сибири (1903 – февраль 1917 гг.): Опыт, историография, источниковедение. Омск, 1989. С.71.

37. Ветошкин М. Указ.соч. С.42.

38. Петров П.У. Из истории революционной деятельности ссыльных большевиков в Якутии. Якутск, 1952. С.47, 48, 109.

39. Горенский М., Кудрявцева А., Сафронов В. Между двумя революциями (Очерки истории Красноярской большевистской организации 1907-1917 гг.). Красноярск, 1960. С.98,99.

40. Сафронов В.П. Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962. С.105.

41. История Сибири. Т.3. Сибирь в эпоху капитализма. Л., 1968. С.327-339.

42. Щербаков Н.Н. Большевики в восточносибирской ссылке(1907-1917 гг.): Автореф. дис…канд. ист. наук. Иркутск, 1967; Богданова М.Ф. Ссыльные большевики и их влияние на общественно-политическую жизнь Западной Сибири (1906-1914 гг.): Автореф. дис… канд. ист. наук. Пермь, 1972; Хазиахметов Э.Ш. Революционная деятельность большевиков в Нарымской ссылке (1906 - март 1917): Автореф. дис…канд. ист. наук. Томск, 1964.

43. Хазиахметов Э.Ш. Указ. соч.; Он же. Большевики в Нарымской ссылке. Новосибирск, 1967; Нарымская ссылка (1906-1917 гг.): Сб. документов и материалов о ссыльных большевиках. Томск, 1970.

44. Зыкин В.Г. Рец.: Нарымская ссылка // Вопросы истории КПСС. 1971. №10. С.138.
45. Евсеева А.Н. Ссыльные большевики Сибири в годы первой мировой войны (1914-1917 гг.): Автореф. дис… канд. ист. наук. Томск, 1975.
46. См.: Хазиахметов Э.Ш. Изучение социально-партийного состава… С.132.
47. Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных революционеров на классовую борьбу, общественно-политическую и культурную жизнь в Сибири в 1906-1917 годах (советская историография проблемы) // Ссыльные революционеры в Сибири. Вып.8. Иркутск, 1983. С.17.
48. Щербаков Н.Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907-1917 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири. Вып1. Иркутск, 1973. С.241.
49. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905-1917 гг. (облик, организации, революционные связи). Томск, 1978. С.19.
50. Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных большевиков на классовую борьбу, общественно-политическую и культурную жизнь в Сибири (1907-1917 гг.): Автореф. дис…докт. ист. наук. Иркутск, 1987. С.20.
51. Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных революционеров…С.17.
52. Хазиахметов Э.Ш. Указ. соч. С.18.
53. Мещерский А.Н., Щербаков Н.Н. В.И. Ленин и политическая ссылка в Сибири (конец XIX в. – 1917 год). Иркутск, 1973. С.27.
54. Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных большевиков… С.22.
55. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905-1917 гг.: Автореф. дис… докт. ист. наук. Л., 1988. С.17.
56. См.: Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка… 1978. С.23.
57. Щербаков Н.Н. Указ. соч. С.23.
58. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка… 1988. С.17; Он же. Партийно-социальный состав политических ссыльных Сибири в 1905-1917 гг. // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия. Ч.1. Омск, 2000. С.225, 226.
59. Хазиахметов Э.Ш. Место и роль пролетарских революционеров в сибирской политической ссылке (1906- март 1917 гг.) // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года (облик, борьба, гегемония). Ч.2. Одесса, 1967. С.40-45; Он же. Сибирская политическая ссылка 1905-1917 гг. // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1976. С.35, 36; Он же. Сибирская политическая ссылка… 1978. С.21-25; Он же. Рабочие «университеты» в тюрьме и ссылке// Рабочие – партийцы и их роль в освободительной борьбе трудящихся Сибири против царизма. Омск, 1986. С.108; Он же. Изучение социально-партийного состава… С.133, 134; Он же. Сибирская политическая ссылка… 1988. С.17,18; Щербаков Н.Н. Численность и состав… С.216, 222, 230, 237, 241, 242; Он же. Влияние ссыльных большевиков… С.23, 24.
60. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка… 1978. С.28.
61. Ленин В.И. Политические партии в России и задачи пролетариата // Полн. собр. соч. Т.31. С.194, 195.
62. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка…1978. С.25; Он же. Эсеры в сибирской ссылке (1905-февраль 1917 гг.) // История общественных движений и политических партий России. Томск, 1993. С.29; Щербаков Н.Н. Численность и состав… С.221, 241.
63. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка…1976. С.36; Он же. Сибирская политическая ссылка…1978. С.25,27; Он же. Изучение социально-партийного состава… С.134; Щербаков Н.Н. Указ. соч. С.221,236; Он же. Ссыльные большевики и партийное строительство в Сибири (1907-1917) // Ссыльные революционеры в Сибири. Вып.11. Иркутск, 1989. С.243; Он же. Влияние ссыльных большевиков… С.22,23; Мещерский А.П., Щербаков Н.Н. Указ. соч. С.22, 26.
64. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка… 1988. С.17.
65. Хазиахметов Э.Ш. Партийно-социальный состав… С.228.
66. Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных большевиков… С.23.
67. Щербаков Н.Н. Указ. соч. С.22,23; Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка… 1978. С.25.
68. Хазиахметов Э.Ш. Указ. соч. С.24; Щербаков Н.Н. Численность и состав… С.220,232,237.
69. Щербаков Н.Н. Указ.соч. С.222; Хазиахметов Э.Ш. Указ. соч. С.181.
70. Щербаков Н.Н. Указ. соч. С.221; Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка… 1988. С.18.